

Часть 3. Мой друг Наум Аврутин

Читателям несомненно хорошо знакома эта песня Вениамина Баснера на слова Михаила Матусовского: „С чего начинается родина? / С картинки в твоём букваре / С хороших и верных товарищей / Живущих в соседнем дворе...” У меня тоже были хорошие и верные товарищи, друзья детства, но жили они не в соседнем дворе, а в одном со мной доме и даже в одном подъезде! Вот, так мне повезло в жизни! В первом подъезде дома №17 на ул. Гиршмана, о котором я подробно рассказал в 4-й главе этих воспоминаний, кроме меня, жили еще пять моих сверстников. Конечно, не все они были моими друзьями, но двоих из них я считаю именно «хорошими и верными товарищами».

Одним из них был Наум Аврутин. Нюма был не только моим соседом, но и одноклассником, мы учились с ним вместе с первого по десятый классы. Жил он на четвертом этаже в такой же квартире, как и я, но в других комнатах. Квартиры наши были коммунальные, пятикомнатные, но у Аврутиных было двое соседей, а у нас – трое. Мы с Нюмой часто ходили друг к другу в гости, играли в различные настольные игры, в детское домино, в лото, в шашки, „в Чапаева“ и проч.

Нюма Аврутин в детские годы, снимок 1949 г.

Владимир Боровиковский, «Портрет Марии Лопухиной», ГТГ

У них была относительно большая и, по тем временам, довольно обеспеченная семья. Нюмин папа, Григорий Наумович, был директором фабрики художественных изделий, а мама – зубным врачом. В их большой светлой комнате с эркером, в которой мы с Нюмой часто играли, на стенах висели вполне приличные копии картин известных мастеров кисти, выполненные на фабрике у Григория Наумовича художниками-копиистами. Но «гвоздем программы» был портрет нюминой мамы Клавдии Львовны, выполненный как «реплика» известного полотна Владимира Боровиковского «Портрет Марии Лопухиной». В тот период, когда мы учились в пятом классе, нюминой маме было чуть меньше 40 лет, но художник изобразил её

намного моложе, приблизив к «оригиналу». Но та же поза с левой рукой, опирающейся на доску, такой же поворот головы, тот же пейзаж с березками за спиной. Я уже видел к тому времени этот портрет Боровиковского в Третьяковской галерее, поэтому постоянно рассматривал картину у Нюмы дома, мысленно сравнивая их...

Отец Нюмы был библиофилом, и у них дома была шикарная, по тем временам, домашняя библиотека с большим количеством книг и альбомов по изобразительному искусству, скульптуре, графике. Думаю, что корни эрудиции Нюмы по вопросам живописи, скульптуры, архитектуры надо искать именно в этой библиотеке его отца. Почти на всех книгах этой замечательной библиотеки имелся экслибрис, эскиз которого был разработан харьковским художником-графиком М.З.Фрадкиным.

Аврутин Григорий Наумович (1911-1993)

Из книг Аврутина, экслибрис

Никогда бы не подумал, что в их гостеприимном доме, в 10-й квартире на 4-м этаже, у этой вполне благополучной семьи Аврутиных, может быть какая-то тайна. Могу лишь припомнить строгость нюминой мамы Клавдии Львовны или неразговорчивость всегда занятого отца Григория Наумовича. Удивительно, но факт: совсем недавно, то есть больше, чем через 70 лет после описываемых событий, я обнаружил в интернете книгу Юрия Марченко „Брызги социализма“, выпущенную издательством Ридеро в 2018 г. Немного позже познакомился, хотя и виртуально, и с её автором. И был, мягко говоря, ошеломлён тем, что прочитал в этой небольшой книге...

Г.Н.Аврутин в годы войны

Но в начале хотел бы познакомить читателей с биографией нюминого папы Григория Наумовича. Это, действительно, героическая трудовая биография. С 1934 года, в возрасте 23 лет, он начал работать начальником планово-экономического отдела в коммуне А.С.Макаренко в харьковском Куряже, затем директором завода ФЭД, созданного на базе коммуны, а в 1939 году – директором завода №3 по производству оборонной оптической продукции – оптических прицелов, артиллерийских панорам, окопных перископов и др. Когда началась Великая отечественная война, завод был эвакуирован в город Бердск Новосибирской области. Григорий Аврутин вначале работал на заводе начальником производства, а затем – замдиректора завода. За свой самоотверженный труд он был награжден орденами и медалями. На заводе Григорий Наумович повстречал инженера-технолога Нину Андреевну Марченко, работавшую начальником цеха. Между ними, уже не очень молодыми людьми, вспыхнула любовь. В 1944 г. Нина родила сына, которого назвали Юрой. Таким образом, Юрий Григорьевич Марченко является единокровным братом Нюмы Аврутина. Но я ничего не знал об этом, потому что Нюма строго хранил семейную тайну, никогда и никому из посторонних не рассказывал об этом. Вот, такая драматическая история.

В те времена, когда мы учились в младших классах школы, среди наших сверстников было очень распространено коллекционирование конфетных «фантиков», т.е. бумажных оберток от конфет. Нюмина коллекция была не только очень большой по объёму, но и по «ценности» фантиков. Наиболее ценились у «собирателей» в то время «фантики» от дорогих шоколадных конфет, производство которых уже было освоено харьковской кондитерской фабрикой «Жовтень», – «Мишка косолапый», «Красный мак», «Мишка на севере», «Белочка», «Кара-кум» и др. Кроме того, нюмино собрание было хорошо оформлено: в большом альбоме как для почтовых марок. Мы часто с Нюмой рассматривали его «богатство» и беседовали на эту тему. К сожалению, когда Нюма заболел скарлатиной, всю его коллекцию и некоторые настольные игры его родители для предосторожности, чтобы не заразить других детей, сожгли.

«Фантики»

DEUTSCH

М.М. ПЕТРЕНКО, М.В. ЯСТРЖЕМЬСКАЯ

DEUTSCH

für die 5. Klasse

УЧПЕДГИЗ 1953

Учебник немецкого языка для 5-го класса

Кроме родителей Нюмы, в этой квартире жила ещё нюмина бабушка, мама Григория Наумовича, не очень грамотная пожилая женщина родом из местечка, говорившая на идише и... помогавшая по немецкому языку нюминому старшему брату Вите. Как сейчас помню сцену: Витя мучается и не может перевести какое-то простое предложение из учебника немецкого языка для 5 класса, что-то вроде „Zwei Jungen sägen Holz“, а бабушка из кухни кричит ему: «Шлымазл! Адиёт! Это же „два мальчика пилят дрова!“».

Родители очень следили за внешним видом своего младшего сына: он всегда был добротно одет: в красивый пиджачок, бриджи, аккуратные ботиночки, что в те нелегкие времена было в нашем классе нетипично. А, вот, среди сверстников ему приходилось нелегко. За нежное лицо и плавные движения, добротную одежду его дразнили „Нюма-женщина“, и как-то на 8 марта принесли ему „в подарок“ помаду и пудру. Жестокие были. Но мягкий характер, незлобливость, неконфликтность не позволяли Нюме вступать в стычки с обидчиками, он эти «шутки» как бы пропускал мимо ушей...

После окончания школы наши с Нюмой пути как-то разошлись: я поступил в Политехнический институт, а его срезали на каком-то устном экзамене и на дневное отделение не приняли. Пришлось ему идти на вечернее и искать работу. Правда, через год Нюме удалось каким-то образом перейти на дневное отделение, на только что открытую новую специальность на химическом факультете. Тем не менее, мы с Нюмой встречались очень редко, хотя одна из таких встреч круто повернула мою жизнь. В конце 60-х годов я работал в научно-исследовательском институте и собирал материалы для кандидатской диссертации, проводя исследования в „горячем“ цехе одного из химических заводов в Донбассе. При этом приходилось работать в сильно загазованных помещениях, а зимой – на открытом воздухе при минусовых температурах. В результате я стал много болеть и подумывал уже всерьёз об увольнении из института, хотя диссертация была уже наполовину готова. В этот период „разброда и шатаний“, когда моё заявление об увольнении уже лежало в отделе кадров, я и встретил на улице Нюму, которому рассказал о своих проблемах. Он аргументированно и довольно быстро убедил меня ни в коем случае не бросать начатую работу, не хандрить, забрать заявление и довести дело с кандидатской „до ума“. Так я и сделал, воспользовавшись его мудрым советом, за который благодарен другу детства на всю жизнь.

Нюма Аврутин, снимок 1955 г.

Наум Аврутин с «помощником», г.Чикаго, США

Наум Аврутин «священнодействует» на своей кухне, Чикаго

Когда Нюма с семьёй уезжал на ПМЖ в Америку, где в Чикаго уже жила семья его

старшего брата Вити, то он пообещал написать мне оттуда, но в сутолоке переезда и нелёгких иммигрантских будней мой харьковский адрес у Ньюмы затерялся и связь, казалось, была потеряна навсегда. Тем более, что и я сам через пару лет переехал в Германию. Но Его Величество Случай проявил себя и в этой ситуации. Как-то я побывал на автобусной экскурсии по Скандинавии. Среди туристов была немолодая пара, живущая сейчас в Чикаго, которые, как выяснилось, не только бывшие харьковчане, но и выпускники того же, что и я, Политехнического института. Где-то в районе норвежских фиордов мы с ними разговорились и после часа поиска общих знакомых «наткнулись» на Ньюму. После этого восстановить связь с другом детства было уже делом техники...

Завязалась активная переписка по электронной почте, многочасовые «сеансы связи» по Скайпу и бесчисленные «а помнишь?». А когда предоставилась возможность, то я прилетел в Чикаго и несколько дней был гостем Ньюмы и его очаровательной жены Ирочки в их гостеприимном доме в пригороде Чикаго. Любопытно, что Ньюма с юных лет прекрасно готовил и умел замечательно сервировать стол. Я это знал ещё по Харькову, но в Америке его кулинарный талант просто расцвел. Поэтому застолья в их с Ирой доме были чем-то особенным.

Надо сказать, что мой школьный друг уже несколько лет жил в Чикаго, прекрасно знал этот город и мог часами водить меня по улицам и площадям этого мегаполиса на озере Мичиган, рассказывая о его достопримечательностях, истории и объектах культуры. Как-то утром Наум сказал мне: «А сегодня я хочу показать тебе нечто необыкновенное...» Мы сели в его машину, и примерно через полчаса Наум уже парковался на подземной стоянке в центре города. Пройдя до перекрестка улиц Дирборн и Монро, мы очутились на Чейз Тауэр-плаза, рядом с небоскребом Первого национального банка Чикаго. То, что я увидел через пару минут, буквально потрясло меня: это была огромная мозаика Марка Шагала «Четыре времени года», которая прекрасно «смотрелась» здесь, на этой площади, среди небоскребов чикагского даунтауна. Но это тема для другого повествования.

Шли годы... Наше общение с Ньюмой с использованием современных средств связи продолжалось без перерыва. И, когда, через 10 лет, вновь предоставилась возможность посетить моего друга детства, я с радостью согласился. И снова моим гидом по архитектурным шедеврам Чикаго был мой одноклассник Наум Аврутин, живший в Чикаго к тому времени уже пару десятков лет, влюбленный в этот город и великолепно знающий не только его историю, но и его архитектурные шедевры.

Для лучшего знакомства с Чикаго Ньюма провёл для меня пешеходные и автомобильные экскурсии, возил на кораблике по реке Чикаго и ее рукавам и даже «затащил» на смотровую площадку на 103-м этаже небоскрёба Уиллис Тауэр. Ему во всем помогала супруга Ирочка. Обо всех этих экскурсиях в одном очерке не расскажешь, да и не это является его темой. Пожалуй, наиболее сильное впечатление произвёл на меня «архитектурный» круиз по реке Чикаго, по её главному, а также северному и южному рукавам через Вулф-Пойнт, а затем через

Чикаго Риверуок к озеру Мичиган с прекрасными комментариями моего друга...

Ирина и Наум Аврутины проводят экскурсию по Чикаго

Наум Аврутин, каким он остался в моей памяти...

Недавно я получил из Чикаго, практически одно за одним, два очень печальных известия. Вначале то, что в результате тяжелого заболевания крови ушла из жизни Ирина Аврутина, нюмин верный друг, любящая супруга, заботливая мать его детей. А очень вскоре – о том, что после продолжительной болезни скончался мой одноклассник Нюма. Ушёл из жизни замечательный человек, прекрасный инженер, эрудит, знаток живописи, архитектуры, литературы и просто преданный друг, на которого всегда можно было положиться. Это эссе я посвящаю светлой памяти этих двух замечательных людей...

*****

Автор: Якуб Заир-Бек

фотографии из личного архива автора

(продолжение следует)

[Все части цикла очерков „По волнам моей памяти...“](#)